

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН ТОМСКОГО ГОРНОМА ВКП(б), ГОРСОВЕТА И ГОРПРОФСОВЕТА

Воскресенье, 14 апреля 1935 года. № 72

ПРИВЕТСТВИЕ ЦК ВКП(б)

ЛЕНИНГРАД, АРТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, ШМИДУ, САМОЙЛОВИЧУ

ЦК ВКП(б) горячо приветствует славных челюскинцев, моряков и политработников в день празднования духа славных годовщин: пятнадцатилетия советских работ в Арктике и блестящей эпопеи спасения челюскинцев.

Вдохновляемые советской властью полярные работники доблестно блестящих успехов в деле изучения и хозяйственного освоения Арктики. Своим мужеством и преданностью делу, порученному полярниками партии и правительством, они еще выше подняли знамя нашей великой родины.

ЦК ВКП(б) верит, что работники Арктики добьются решающих успехов в трудном деле изучения Северного морского пути и превращения его в нормально-действующий водный путь.

ЦК ВКП(б)

ПРИВЕТСТВИЕ ЦК ВЛКСМ

ЛЕНИНГРАД, АРТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, ШМИДУ, САМОЙЛОВИЧУ

В день пятидесятилетия Арктического института и годовщины спасения челюскинцев Центральный комитет ВЛКСМ шлет комсомольский привет героям челюскинцам, полярникам, морякам, летчикам, политработникам, превращавшим арктические пустыни в Великий северный морской путь.

Миллионный комсомол с огромным вниманием следит за вашей героической работой. Не сомневаемся, что вы в короткий срок полностью освоите Северный морской путь, превратите его в нормальный судоходный путь для судов торгового мореплавания, включите пустыни Арктики в общий фронт социалистического строительства могучего Советского Союза. Ленинский комсомол, как и на других участках социалистического строительства, в этой работе будет не в последних рядах.

Центральный комитет ВЛКСМ — А. КОСАРЕВ.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

- 14 июля 1933 года. На Ленинград по Владивостоку в полярный рейс выдана ледоходная партия «Челюскин» с научной экспедицией, возглавляемой профессором Шмидтом.
- 13 февраля 1934 года паролот «Челюскин», разделивший полярными льдами, затонул в 155 милях от мыса Северного (генер. Шмидта).
- 14 февраля образована правительственная комиссия для помощи челюскинцам под председательством тов. Куйбышева.
- 24 февраля летчик тов. Липидевский первый раз вылетел из Уланова на поиски лагеря Шмидта. Устой турман не дал возможности войти в лагерь.
- 5 марта тов. Липидевский повторно вылет. На этот раз ему удалось найти лагерь, спуститься на лед и вывести 10 женщин и двух детей.
- 5—20 марта Правительство развернуло большие организационные работы по мобилизации мощных сил советских средств на помощь челюскинцам. На пароходах «Совенск», «Сталинград» и летным путем было отправлено в лагерь Шмидта 18 самолетов.
- 2 апреля. Летчик Бабушкин с механиком Балазихиным, вставая находившийся в лагере самолет, перелетел в Ванкарем.
- 7 апреля летчики Каманин и Мо

ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ, ВОСПИТАННЫЕ ПАРТИЕЙ ЛЕНИНА—СТАЛИНА, ПОБЕЖДАЮТ СТИХИЮ АРКТИКИ

ЧЕЛЮСКИНСКАЯ ЭПОПЕЯ—СИМВОЛ ВЕЛИКОЛЕПНОГО РАСЦВЕТА СИЛ, ВЗРАЩЕННЫХ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИЕЙ

Профессор О. Ю. Шмидт о годовщине спасения челюскинцев

МОСКВА. 13 апреля. Страна Советов празднует пятидесятилетие советской работы в Арктике и годовщину со дня завершения работ по спасению челюскинцев. В беседе с сотрудниками ТАСС начальнику Главного управления Северного морского пути проф. Шмидт заявил:

«Дата 13 апреля воскресает в памяти всех граждан Советского Союза день величайшего торжества Страны Советов, показавший всему миру, какими огромными материальными и моральными силами она обладает.

Но только иностранная пресса, но и научные авторы капиталистического мира неслыханно оспаривали перспективы спасения свыше 100 челюскинцев со льдами. Иностранная печать приводила сравнения с преданиями арктическими экспедициями других стран, когда гибель народа обычно приводила к гибели части, а иногда и всего экипажа.

Особенно недоброжелательно капиталистическая печать отозвалась и возможности спасения полярных экипажей. Перелет через огромные пространства по неизвестной трассе, необходимость создания аэродрома на дрейфующем льду ставили перед летчиками громадные трудности. Спасение было быстрое и организованное. Герои летчики показали всему миру величайший пример мужества. Это мужество летчики сочетали с величайшей преданностью своему долгу и исключительным техническим мастерством.

Челюскинцы на льду сумели собрать сплоченный, подлинно советский коллектив, обладавший выдержанностью, дисциплинированностью и верой в помощь ВКП(б) любви и предан-

ности социалистической родине. Недаром вся страна окрестила летчиков «челюскинцев» уважением и любовью. С полным правом она увидела в челюскинской эпопее символ великого расцвета сил, вызванных в жизни Октябрьской революцией, марксистско-ленинским партией.

Годовщина спасения челюскинцев составляет и пятидесятилетие советской работы в Арктике, пятидесятилетие создания первого научно-исследовательского центра по изучению Арктики, выросшего из Воеводемской арктической экспедиции.

Успехи советской работы в Арктике очевидны. Хотелось бы сказать о критичности этих успехов. В блестящих достижениях советской работы в Арктике и в научной организации спасения челюскинцев действовали и другие люди, которые, прежде всего, непосредственно руководили со стороны товарища Сталина, ЦК ВКП(б). Это являлось новой страницей в ее самом ответственном труду: участку и людям, которые поручено его освоение. Это техника организации работ со стороны советского правительства.

Партия умеет воспитывать людей. Она воспитала героев-летчиков, она же создала изумительную форму коллективной работы, в которой ярко раскрываются индивидуальные таланты, при сохранении исключительной в мире сплоченности и сознательной дисциплины.

Качество людей, работающих по освоению Арктики, осуществлению директив тов. Сталина, в создании великого Северного морского пути уже исчисляется тысячами.

Зачисляемых советской работы в Арктике был профессор А. А. Самойлович. С 1920 года им совершено 18 вылетов в Арктику.

За экспедицию на «Красне» по спасению Нобле и его спутников профессор Самойлович награжден правительством орденом Трудового Красного Знамени.

Широко известны имена полярников исследователей: Г. А. Улякова, В. Ю. Визе, М. И. Косенко, Б. В. Лазарев, М. И. Шелехова, Д. С. Дулицкого, П. И. Свиридова, П. В. Орловского, замечательных и замечательных полярных спутников: Чиликина, Ивнева, Петрова и других. Страна знает имена полярников: капитанов: Воронина, Николаева, Хлебникова, Миловожорова. Страна любит и знает героев Советского Союза, летчиков: Каманина, Молокова, Володькина, Дороница, Липидевского, Леваневского, Селезнева, старейших полярных летчиков: Бабушкина, Чуховского, Александрова, Липидова, Мозола, Гамышева, Ракина, Стрелова и других.

Говоря о наших успехах в Арктике, мы должны отметить большую роль положительного руководства нашей партией и других тов. Куйбышева, и непосредственно участие полярного тов. Барова, в создании экспедиции, отправившейся на Ленинград.

В дальнейшем владения Арктикой огромную роль сыграли волею и в системе Гамалеи-Муромца. Теперь наши зимники, фактории и суда укреплены армией полярников.

Арктический фронт заставляет нас еще раз проверить нашу работу, укрепить наши ряды, еще теснее сплотиться вокруг нашей партии и вождя всех трудящихся товарища Сталина.

ВСТРЕЧА ЧЕЛЮСКИНЦЕВ В МОСКВЕ.

Т.Т. КУЙБЫШЕВ, ШМИДУ, КАМАНИН в автомобиле направляются на Красную площадь.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ГОДОВЩИНА

13 апреля исполнилась годовщина спасения челюскинцев. Челюскинская эпопея в феврале—апреле прошлого года привлекла внимание не только рабочих и колхозников Советского Союза, но и широких масс всего мира.

Стоя челюскинцев, сотня советских граждан после трагической гибели корабля отучилась на льду. Среди челюскинцев были женщины, дети, слабые. Что делать?

Летчик половецки челюскинцев был по определенным. Вступил мысленно во все их планы, ренства и поступки было одно: забота не только о спасении всего коллектива, но и о достоинстве своей родной советской страны.

В труднейших условиях, в которых челюскинцы оказались, они поставили перед собой задачу—показать трудящимся всего мира высокий уровень организованности и мужества людей, воспитанных советской страной. Даже на дрейфующих льдах челюскинцы чувствовали себя частью всего героического коллектива, строящего социалистическое общество.

Опыт многих арктических походов показал, что до берега могут идти лишь 20—25 процентов наиболее сильных и выносливых участников экспедиции, остальные погибнут на трудном пути по торосистым и дрейфующим льдам. Значит, нет лишним всем лагерем, откуда нет прямой выходы: всем вместе ждать разворота спасательных мероприятий.

И лагерь Шмидта показал редкий пример товарищеской спайки, организованности и мужества.

Шестидесять дней провела челюскинцы на льду. Напряженный труд

И. БАЕВСКИЙ бывший заместитель начальника экспедиции «Челюскин»

они обеспечивали устройство ледовых аэродромов для приема воздуха к ним самолетов. Свободные от работы вечерние часы они проводили на лекциях по математике, физике и химии, за чтением Пушкина, за игрой в самоварные шахматы, за оспариванием в перекрестной стене газеты, за продуманным планом коллективной жизни.

Братейством спайки, организованности и дисциплины, безграничного доверия, любви и уважения всего коллектива к своему руководителю товарищу Шмидту и партийной организации—этим был крепко связан челюскинцев. Товарищеская выносливость, дружеская заботливость о каждом слабое коллектива, братская предупредительность и готовность каждого к необходимой жертве для других—все качества, свойственные всем участникам лагеря.

Вся наша великая страна поднялась на помощь челюскинцам. Фабрики, заводы, железные дороги с предельной быстротой строили, ремонтировали, отгружали, перевозили все необходимое для спасения челюскинцев средства. Летчики, воздушники летели стаями, требовали, чтобы их послали спасать челюскинцев. Ближайший соратник товарища Сталина, наш полярный товарищ Куйбышев возглавлял правительственную комиссию по спасению. Вся работу по спасению челюскинцев управлял сам товарищ Сталин.

Натались тревожные дни тяжелых полетов. Тренировки длились спасение летчиков. Сбить турку и ястреба, в жестокие морозы и туманы, без посадочных площадок по пути, сезонно рискуя жизнью, стрелялись они в Чукотке, в лагерь Шмидта. На них Советское правительство возложило задачу, хотя и невыполнимую трудную задачу. И они взяли все, чтобы с честью ее выполнить, чтобы своим полетом оправдать доверие всей страны.

Вся советская страна, весь мир и посылать в лагерь Шмидта на помощь. Все-таки до лагеря нужно было пройти 4 километра, это делал чужак, за час можно было сделать лишний рейс, т. е. вылететь 5—6 человек. В этот день и слетать три раза и вылететь первый раз четче, а потом два раза по пять человек. Первым шел и партизанский аэроплан ступорный матрос Заскалкин два толкающего, слава-дальше челюскинцев льду, как и вылететь, так и вылететь в узкой ямке. Он делал так. Летать ему было не особенно просторно. Конечно, неудобно для пассажира в таком ящике, но кто сомневался в таких случаях о отсутствии комфорта? (Молоков).

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Челюскинцы» и полетчики влетели в историю социалистического строительства. Трагедия гибели «Челюскина» превратилась в триумф Советского Союза. Достоинство нашей великой родины, нашего героического рабочего класса, революционной ленинской партии большевиков, руководимой великим вождем трудящихся Сталиным, было поднято на новую высоту перед лицом международного мира.

Тысячи и миллионы новых людей уже вырастала и воспитала страна строительства социализма. Нет сомнения, на который не был бы способен эти миллионы, когда встанет вопрос о защите нашей родины, о ее достоинстве.

Поручить этому статус поднимать требовали, чтобы их послали спасать челюскинцев. Ближайший соратник товарища Сталина, наш полярный товарищ Куйбышев возглавлял правительственную комиссию по спасению. Вся работу по спасению челюскинцев управлял сам товарищ Сталин.

«Челюскинцы» и полетчики влетели в историю социалистического строительства. Трагедия гибели «Челюскина» превратилась в триумф Советского Союза. Достоинство нашей великой родины, нашего героического рабочего класса, революционной ленинской партии большевиков, руководимой великим вождем трудящихся Сталиным, было поднято на новую высоту перед лицом международного мира.

КАК МЫ СПАСЛИ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

(ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ, НАПИСАННОЙ УЧАСТНИКАМИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ)

«Через полчаса после прибытия в Ванкарем, и имея возможность вызвать по радио для прямого разговора тов. Шмидта. При этом разговоре являлись, как характеризующий моральное состояние челюскинцев. В лагере у аппарата сидел Креклев, старший полярник, один из моих друзей.

Передо мной привели, и попросил прогласить к аппарату тов. Шмидта. Близко к аппарату я сидел, поэтому слышал все, что говорил тов. Шмидт. Но не знаю, сможет ли он подойти к аппарату. На мое естественное удивление, Креклев ответил: «Шмидт читает лекцию по диаманту». Это было для меня достаточно, чтобы убедиться в том, что челюскинцы, находясь в полярной оторванности, сохраняли волю и силу советского коллектива, о всем свойственном такому коллективу чертах».

«В сумраке ночи в сторону лагеря с северо-востока, с треском и хрипом, донесся огромный ледовый вал. Ледники в несколько десятков тонн выскользнули на гребень вала. Подвигавшиеся следующими за ними ледники зажали его, тротуар сваливался на другую сторону вала. Вал этот быстро приближался к лагерю. Первым на его пути стоял барак. Лед быстро отчаялся барьер и успевал вытиснуть из него наиболее ценное имущество. Перед самым бароком на его беге выдвинулся и, наконец, обрушился на крышу жилища, в котором еще находилось несколько человек».

«Через день после прибытия в Ванкарем слышали: «Выскакивая на героической работой по спасению челюскинцев». Под радиотелеграммой стоял подписан: Сталин, Молоков, Воронин, Куйбышев, Липидов. И прочее радиотелеграмму, и у меня голова пошла кружиться. Потом, стоял и у меня большой волнение, то мне подошел механик-американец Томас Рок и сказал: «Мы уже слышали о письме из России. Изумительно и прекрасное письмо. Подписали вас, сэр». Республика нашей страны Ленина и Сталина, моя великая родина, ради которой я готов отдать жизнь и свободу и отечество, ради которой я готов отдать жизнь и свободу и отечество, ради которой я готов отдать жизнь и свободу и отечество».

«Двадцатого апреля мы начали работать по-всю. Лагерь я так и не посетил. Все-таки до лагеря нужно было пройти 4 километра, это делал чужак, за час можно было сделать лишний рейс, т. е. вылететь 5—6 человек. В этот день и слетать три раза и вылететь первый раз четче, а потом два раза по пять человек. Первым шел и партизанский аэроплан ступорный матрос Заскалкин два толкающего, слава-дальше челюскинцев льду, как и вылететь, так и вылететь в узкой ямке. Он делал так. Летать ему было не особенно просторно. Конечно, неудобно для пассажира в таком ящике, но кто сомневался в таких случаях о отсутствии комфорта? (Молоков).

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

«Манингист Мартинко, передевший в Ванкарем в таком ящике, рассказывал: Чувствовал себя и очень хорошо. При полете с аэродрома только чуть-чуть было то заныло тело, то шумно было. Потрясающе. Потом чувствовалось, значит, являлся в воздухе. И сам вылетел, потому меня не интересовала работа мотора. Служу работай замечательно. Во время полета и только болела, а в крике, когда я только нештопаю воздух, оказывается дырка в которую можно вылететь, но страхи оказались напрасными. Приехали в Ванкарем».

МОЛКОВ.

ЛИПИДЕВСКИЙ.

ЛЕВАНЕВСКИЙ.

КАМАНИН.

СЕЛЕЗНЕВ.

ВОДОПЬЯНОВ.

ДРОНИЦА.

